

Тарануха Ю. В., докт. экон. наук, профессор кафедры экономической теории ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Taranukha54@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ИЛИ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ КОНКУРЕНЦИИ

В статье формулируются требования к формированию универсальной теории конкуренции и анализируются отдельные положения, выдвинутые некоторыми авторами в связи с разработкой общей концепции конкуренции. Автор также выдвигает гипотезу о возможности создания общей теории конкуренции на основе системного подхода к проблеме. В этой связи конкуренция рассматривается не только как процесс, но и как трехуровневая система, включающая выражение конкурентного отношения в виде принципа устройства рыночной экономики (макроуровень), механизма взаимодействия агентов рынка (мезоуровень) и способа реализации экономических целей конкурентов (микроуровень).

Ключевые слова: теория конкуренции, конкуренция как соперничество, «невидимая рука» рынка, марксистская теория конкуренции, системный подход, макроконкуренция, мезоконкуренция, микроконкуренция.

Введение

В любой отрасли научного знания единство в понимании природы и сущности явления имеет исключительное значение, поскольку позволяет оптимизировать использование научных ресурсов и повысить эффект от их применения. Это отнюдь не означает наличия единомыслия среди исследователей. Однако оно предполагает, как минимум, методологическую общность подходов к анализу явления. В этой связи постановка вопроса о разработке универсальной теории конкуренции, предпринятая журналом «Современная конкуренция»¹, является правомерной и весьма значимой. Причем ее значимость становится особенно понятной, если учесть существующее многообразие трактовок конкуренции.

Единство или, точнее, целостность теории — это, прежде всего, общность той методологической базы, которая используется при разработке данной теории. Существующие концепции конкуренции отличает, как раз, именно различие методологий анализа. Поэтому скептицизм многих авторов в отношении создания единой теории конкуренции вполне понятен². Более того, эти методологические различия столь глубоки, что даже попытка интеграции методологических платформ³ нам кажется невозможной. Это позволяет прийти к двум выводам. Первый: задача по созданию объединительной теории конкуренции представляется заведомо

¹ Современная конкуренция. №3 (21). 2010.

² Круглый стол «Вопросы теории конкуренции». // Современная конкуренция. №3 (21). 2010. — С. 11, 25.

³ Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. // Современная конкуренция. №3 (21). 2010. — С. 42.

невыполнимой. Второй: здесь имеет место неправильная постановка задачи.

Среди существующих трактовок конкуренции трудно найти ту, которая не несла бы в себе определенный содержательный элемент. Тем более что в каждой трактовке отражен особый срез такого многогранного явления, как конкуренция. Поэтому желание сторонников объединительной концепции сохранить присущее конкуренции многообразие признаков, форм и функций вполне понятно. Дело, однако, в том, что сохранение результатов, полученных в процессе реализации разных исследовательских программ, может быть обеспечено и без их синтеза. Целевая задача должна состоять не в создании объединительной теории, а в создании общей теории конкуренции, которая позволила бы не только сохранить разнообразие ее характеристик, но и отразить их место и роль в структуре этого явления, показывая многообразие проявлений конкуренции. В этом смысле она могла бы стать универсальной теорией конкуренции.

Определяющий признак любой теории — ее целостность, которая характеризуется общностью методологии, обеспечивающей логическую увязку содержания, механизмов действия и форм проявления явления. При этом она должна содержать ряд непротиворечивых положений, отражающих сущностную сторону явления, т. е. обладать тем, что И. Лакатош называл «жестким ядром»⁴. Какие требования в этой связи должны быть предъявлены к общей теории конкуренции? Во-первых, она должна содержать ясный ответ на вопрос о природе явления, т. е. отражать динамический характер конкуренции. Во-вторых, в ней должен быть представлен механизм этой динамики, отражающий роль эндогенных и экзогенных факторов. В-третьих, она должна непротиворечиво объединять все те формы, в которых про-

является конкуренция в реальной хозяйственной практике. Наконец, она должна быть макроуровневой, чтобы демонстрировать место и функциональную роль конкуренции в рыночной экономике, и одновременно — микроуровневой, чтобы объяснять поведение участников конкуренции.

То, что конкуренция — динамический процесс, сегодня, по-видимому, вряд ли кто будет отрицать. Дело, однако, в том, что ограничиться только констатацией самого факта присутствия динамики в конкуренции нельзя. Когда речь идет о конкуренции, следует четко осознавать, что она реализует себя не отвлеченно, а действует в рамках определенной хозяйственной системы, причем как ее элемент. Поэтому и вопрос о ее природе должен жестко увязываться с закономерностями развития хозяйственной деятельности, а само возникновение конкуренции рассматриваться как следствие этого развития.

О содержательной стороне конкурентного процесса

В этой связи мы не находим смысла в попытках договориться по поводу применения терминологии, связанной с понятиями «соперничество» и «конкуренция»⁵ в силу недуманности проблемы. Если стать на позицию авторов, усматривающих содержательное различие между «конкуренцией» и «соперничеством»⁶, то необходимо будет признать существование конкуренции, которая «не подразумевает психологической конкуренции, соревнования или соперничества»⁷, а «конкуренция» будет выступать

⁵ Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 41.

⁶ Гальперин В. М., Игнатьев С. М., Моргун В. И. Микроэкономика. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 2. — С. 19.

⁷ Knight F. H. Imutable Law in Economics: Its Reality and Limitations. // American Economic Review. XXXVI, 1946. (May). — P. 102.

⁴ Лакатош И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.

термином, относящимся к определяющей структуре рынка модели⁸. Другими словами, отличительным свойством модели рынка, указывающим на то, что модель строится на предположении о наличии притязаний на что-либо со стороны действующих лиц. При такой трактовке рассматриваемые понятия просто несопоставимы, поскольку являются категориями, относящимися к разным уровням анализа — явление и признак. Но не это главное. Существо вопроса состоит в содержательном наполнении этих понятий. У сторонников необходимости разграничения понятий термин «конкуренция» лишен содержательного наполнения. Нелучайно он приобретает какой-то смысл, только будучи дополненным прилагательными «совершенная» и «несовершенная конкуренция». Причем и в этом случае совершенная конкуренция и несовершенная конкуренция — прилагательные к существительному «модель рынка», но не к понятию «конкуренция». Кроме того, исключая из конкуренции действия, сторонники этого подхода упускают из виду, что если в понятие «конкуренция» вкладывать хотя бы малую толику «притязания на что-либо», то это уже само по себе означает наличие действия. Конечно, существуют ситуации, где взаимодействие агентов рынка не осязается ими непосредственно (В. М. Гальперин и соавторы в качестве примера приводят фермеров). Но означает ли это, что среди них не ведется соперничество? Для практики — это немислимая ситуация, так как в этом случае мы фактически получим экономику Робинзона Крузо. Поэтому проблема неоклассической теории конкуренции вовсе не психологического свойства и заключается не в степени обоснованности допущения об отсутствии реагирования на действия соперников. Она связана с пониманием природы экономических отношений, где само

⁸ Гальперин В. М., Игнатъев С. М., Моргунов В. И. Микроэкономика. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 2. — С. 19–20.

понятие «экономика» несет на себе печать взаимодействия. В этой связи нельзя не отдать должное заслугам Ф. Хайека и И. Кирцнера по развенчанию атомистической психологии, при допущении которой конкуренция лишается всякого смысла⁹.

Что же касается причины подобного разграничения, то она была обозначена Дж. Стиглером¹⁰ и П. МакНалти¹¹. Суть ее состоит в смешении двух разных концепций: концепции рынка и концепции конкуренции. Конкуренция в неоклассической теории как состояние стала идентифицироваться с отдельной рыночной структурой, в противоположность классической традиции, где она рассматривалась в качестве движущей силы рынка, т. е. как процесс, в котором соперничество играет ключевую роль. При этом, правда, критики неоклассической теории конкуренции часто упускают из виду важное обстоятельство методологического свойства, а именно то, что неоклассический подход — это статический метод анализа. Данный метод изначально предполагает трансформацию процессов в состояния. Поэтому, даже если конкуренция понимается как соперничество, учитывая специфику целей анализа, оно должно игнорироваться. Фирмы конкурируют при заданных условиях и predetermined рынке выборе. Иначе говоря, их конкурентные действия не могут выходить за рамки тех, которые задаются рынком. Во всех неоклассических моделях рынка конкурентные действия ограничиваются коррекцией объема выпуска, так как уровень цен задается кривой рыночного спроса. В поведенческих моделях такого

⁹ Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: «Изограф», 2000. — С. 105–106; Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. — М.: ЮНИТИ, 2001. — С. 98.

¹⁰ Стиглер Дж. Совершенная конкуренция, исторический экскурс. // Вехи экономической мысли. Т. 2. СПб. Экономическая школа, 1995.

¹¹ McNulty P. J. Economic Theory and the Meaning of Competition. // The Quarterly Journal of Economics, 1968. Vol. 82, No. 4 (Nov.). — P. 639–641.

рода даже понятия «ценовая» и «неценовая конкуренция» — это не более чем характеристики, отражающие специфику устройства рыночных структур. Сведя сказанное воедино, можно уверенно утверждать, что неоклассической теории конкуренции, где бы раскрывались ее содержание и движущие силы, или хотя бы ставилась подобная задача, просто не существует. Неоклассическая теория — это концепция рынка, где конкуренции отводится роль вспомогательного инструмента, используемого при анализе эффективности действия рыночного механизма. Сам принцип равновесного подхода, предполагающий анализ при отсутствии у явлений внутренних мотивов к изменению сложившегося состояния, не допускает составительных действий. С этих позиций понимание конкуренции как состояния рынка, т. е. в качестве его признака, в принципе допустимо. Недопустимо то, что такое ее понимание, обусловленное спецификой применяемой методологии анализа, переносится на само явление, которое представляет собой не застывшее состояние, а процесс самого ожесточенного соперничества. Конкуренция по своей сути есть соперничество и должно рассматриваться только в таком качестве.

Из сказанного, однако, отнюдь не вытекает, что конкуренция может быть идентифицирована как действие. Она всегда связана с действием, но не сводится и не может быть сведена к действию. Поэтому не можем согласиться с предлагаемым Ю. Б. Рубиным подходом к формированию базы общей концепции конкуренции¹². Смысл его состоит в выделении действия в качестве системообразующего признака конкуренции. Но это, как раз, и вызывает первое возражение: действия могут быть разными, в том числе и совершенно не конкурентными, а, напротив, противоположными по своей природе, например, направленными

на сотрудничество. Конкуренция — действия, выражающие процесс соперничества. Можно, конечно, уточнить: в данном случае подразумеваются предпринимательские действия¹³. Но и в этом случае возникает множество вопросов. Разве конкуренция может быть предпринимательской и непредпринимательской? Если да, то тогда никакой общей теории конкуренции быть не может, так как мы будем иметь дело с двумя разными типами конкуренции. Если понимать под предпринимательской конкуренцией шумпетерианское «созидательное разрушение» (как ее, судя по всему, и понимает Ю. Б. Рубин), то означает ли это, что предпринимательство и конкуренция — тождественные понятия или, по меньшей мере, находятся в таком же сочленении, как совершенная и несовершенная конкуренция? Й. Шумпетер, как известно, вкладывал в них разный смысл¹⁴. Причем Ю. Б. Рубин столь много внимания уделяет предпринимательским (в шумпетерианском духе) действиям, что напрашивается еще один вопрос. Имеет ли место конкуренция в случае отсутствия инноваций, при рутинном ходе рыночного процесса, или, например, при отсутствии активных действий со стороны участников рынка?

Действия играют важную роль в конкуренции и, несомненно, важны для понимания сути конкурентного процесса. Но не действия составляют ту экономическую базу, на которой зиждется конкуренция. Напротив, сами эти действия — следствие конкурентного состояния экономики, принуждения, говоря словами К. Маркса, которое оказывает на своих участников конкуренция¹⁵. И характер этих действий — ин-

¹² Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 42–50.

¹³ Рубин Ю. Б. Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. М.: ООО «Маркет ДС», 2006.

¹⁴ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия, М.: Экономика, 1995. С. 128.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. Т. 4. — С. 80; Т. 6. — С. 455.

новационный или нет, будет зависеть в первую очередь от состояния конкуренции. Хотя, в принципе, предпринимаемые участниками действия могут иметь чисто субъективную природу, и, более того, оказывать влияние на конкуренцию. Однако существо вопроса здесь не в том, есть действие или нет, а в том, почему производится это действие, и каков характер причинно-следственной связи между действиями и конкуренцией. Если стать на ту точку зрения, согласно которой конкуренция является особым принципом организации хозяйственной деятельности, действие которого связано с контролем над поведением участников рынка и с ограничением возможностей соперников, то станет совершенно понятной не только природа конкурентных действий, но и их целевая направленность. Поэтому считаем малоубедительной предложенную Ю. Б. Рубиным увязку конкуренции с профессиональными действиями и интересами¹⁶. Во-первых, даже Й. Шумпетер вынужден был согласиться с тем, что предприниматели в своей деятельности мотивированы извлечением выгоды, а не реализацией профессиональных амбиций¹⁷. Во-вторых, как демонстрирует конкурентная практика, действие конкурентного отбора связано с оценкой не уровня профессионализма, а способности выявлять источник выгоды. Поэтому профессионалы, реализующие себя посредством рыночных инноваций, нередко оказываются среди проигравших, в то время как их последователи — победителями в конкурентной борьбе. Помимо этого, если рассматривать конкуренцию как действия, тогда конкурентная политика неизбежно будет превращаться в политику защиты не конкуренции, а конкурентов. Тех из них, действия которых представляются на данном историческом этапе соответ-

ствующими задачам проводимой государственными органами политики.

Конкуренция не может быть сведена к действиям еще и по другой причине. Действия — важная, но только одна, субъективная сторона конкурентного процесса. Но у него есть и другая, объективная сторона, которая представлена совокупностью конкурентных условий. В каких бы формах не проявлялись эти условия — отраслевых структурных параметров или регулирующих институтов, они оказывают серьезное влияние на принятие решений агентами конкуренции, т. е. на их действия. Это не означает, что автор данной статьи разделяет точку зрения о заданности поведения, проповедуемую неоклассической теорией. Автор не согласен и с той точкой зрения, что конкурентные действия являются плодом исключительно субъективных предпочтений предпринимателей. Хочется лишь подчеркнуть, что конкурентные действия, являясь формой выражения субъективного восприятия и обработки рыночной информации, обуславливаются объективными факторами. И, как раз, состояние конкуренции, понимаемое как совокупность этих объективных факторов, направляет действия предпринимателя. Неслучайно И. Кирцнер, говоря о предпринимательской бдительности, делает упор на то, что она выражается не в способности создать нечто новое, а в способности увидеть существующую возможность, но не замеченную другими¹⁸. Разнообразие стратегий, выраженное через биологические аналогии, прямо указывает на зависимость выбора поведения от окружающей среды.

Тезис о реализации профессиональных интересов в конкуренции¹⁹ представляется малосостоятельным. Во-первых, потому, что конкуренция не является сферой для реали-

¹⁶ Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 53–54.

¹⁷ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. — С. 202. прим. 22.

¹⁸ Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. — М.: ЮНИТИ, 2001. — С. 24–25.

¹⁹ Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 54.

зации этих интересов. Если, правда, не считать извлечение прибыли профессиональным интересом предпринимателя. Во-вторых, сам Ю. Б. Рубин отмечает тот важный момент, что конкуренция не предполагает вознаграждение всех. У нее принципиально иная функция — вознаграждение путем селекции. Поэтому вряд ли мы сможем найти хоть одного продавца, который признает конкуренцию полезной для себя. Столь же бесполезна конкуренция и для потребителей, так как ее суть в том, что в выигрыше окажутся те из них, которые способны предложить продавцу лучшие условия. Что касается снижения рыночных цен, то это результат действия другого механизма — рынка, который представляется как конкуренция продавцов и покупателей, но на самом деле выступает механизмом сопоставления двух противодействующих сил, одна из которых выражает интенсивность соперничества среди продавцов, а другая — среди покупателей. Здесь важно понимать, что конкуренция представляет собой способ связи, который выражает не профессиональные отношения, как полагает Ю. Б. Рубин²⁰, а противостояние экономических интересов. Поэтому, собственно, она и является той «невидимой рукой», которая способствует стихийной координации деятельности в условиях общественного разделения труда.

Некоторые авторы усматривают в «невидимой руке» нечто большее, чем «управляющую силу» — невидимое связующее звено, обеспечивающее передачу макроинформации на микроуровень экономики и, тем самым, обеспечивающее координацию между эгоистическими интересами и потребностями общества²¹. Основание для постановки этой проблемы видят в том, что А. Смит

²⁰ Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 55.

²¹ Коган А. М. Разграничение конкуренции и «невидимой руки» как регуляторов экономики развитых рынков. // Современная конкуренция. 2010. №2 (20). — С. 13, 25.

не пояснил, «что именно представляет собой эта „невидимая рука”»²². Но дело, как раз, в том то и состоит, что смысл «невидимой руки» был для него столь очевидным, что он не посчитал нужным давать ему объяснение. Позиция А. Смита по этому вопросу представляется совершенно ясной: «невидимая рука» — это процесс борьбы за экономические цели. Другими словами — это конкуренция. Для А. Смита общественный интерес — это запросы покупателей или, если говорить современным научным языком, структура рыночного спроса. Лучше достигает своих целей тот продавец, чья деятельность больше отвечает структуре спроса. Смысл управляющей руки заключается в том, что она нацеливает производителей-продавцов на удовлетворение потребностей покупателей, что впоследствии стало базой для формирования идеи о суверенитете потребителя. «Невидимой» Смит называет ее не потому, что видит в этом нечто мистическое, а по прозаической причине — вследствие отсутствия субъектов и институтов по постановке целей. Этим он как бы подчеркивает отличие стихийного (рыночного) способа хозяйственной координации от иерархического, где координация осуществляется «видимой рукой» — конкретными субъектами управления, которые определяют цели и способы их достижения.

Во времена А. Смита степень агрегации хозяйства была довольно низкой, а рынки и производство характеризовались высокой степенью локализации, это не позволяло ставить вопрос о механизме связи между макро и микроуровнем экономики. Единственное, что можно уверенно утверждать, так это то, что Смит такую связь видел, о чем свидетельствует его взгляд на роль конкуренции в выравнивании нормы прибыли. Если говорить о содержательной стороне этого механизма, то блестящее решение проблемы было дано К. Марксом в его теории

²² Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 44.

межотраслевой конкуренции, где показаны не только внутренние пружины, но и характер действия этого механизма, лишённого какой бы то ни было мистики. Идеология этой теории была такой же, которой придерживался и А. Смит: структуру и пропорции в экономике (макроуровень) регулирует невидимое внешнему наблюдателю соперничество частных интересов, выраженное в форме борьбы за прибыль (микроуровень).

Ю. Б. Рубин предлагает рассматривать «невидимую руку» в качестве обобщающего (надо полагать, особого) понятия, отражающего действие центробежной и центростремительной силы в рыночной экономике. При этом под «невидимой рукой» подразумевается «инструмент действия, которым пользуются участники рынка, преследующие собственные и общественные интересы и совершающие ради этого надлежащие конкурентные действия»²³. Иначе говоря, действие — содержательная сторона этого понятия. Мы находим логическое противоречие в приведенных утверждениях. Первое из них означает, что «невидимая рука» производит действие, независимое от воли лиц, подвергающихся ее действию, в то время как второе утверждение, напротив, говорит о том, что эти лица используют «невидимую руку» как инструмент. Но одно и то же явление выступать в качестве субъекта и объекта одновременно не может. Во-вторых, следует обратить внимание на смысловую неточность. «Невидимая рука» действительно выражает действие центробежной и центростремительной силы в рыночной экономике. Но это, как раз, и есть главная функция конкуренции, с одной стороны, отражающая поиск частной выгоды (центробежная сила), а с другой — направляющая этот поиск в русло общественных потребностей (центростремительная сила), что и хотел подчеркнуть А. Смит. Считаю, что здесь

не может быть никакого другого смысла, какие бы действия не предпринимали участники рынка. При этом сложно согласиться с тем, что они осуществляют конкурентные действия ради общественных интересов. Наоборот, их действия направлены исключительно на удовлетворение своих эгоистических интересов. Что касается конкуренции, то она выступает невидимой для самих участников «рукой», которая корректирует их поведение, о чем красноречиво свидетельствует цитата из А. Смита²⁴, приводимая Ю. Б. Рубиным. Ценность этого пассажа состоит в том, что в нем подчеркивается не только эгоистическая природа интересов (целей) частных лиц, но и независимый от них характер действия конкуренции (невидимой руки), которая, с одной стороны, насильственно принуждает предпринимателей действовать в интересах общества, а с другой — помогает им разглядеть эти интересы.

Если рассматривать попытку разграничения понятий «конкуренция» и «невидимая рука» и придания каждому из них особой функции в методологическом ключе, то она может послужить лишь наглядным примером смешения тесно связанных, но содержательно разных явлений: рынка и конкуренции. Рынок — это механизм связи обособленных производителей. Выступая в этом качестве, он обеспечивает увязку между разными уровнями экономической системы посредством информационной и координирующей функций. Конкуренция — это элемент рынка, действие которого связано с обеспечением контроля поведения субъектов рынка в том смысле, что результаты их деятельности должны быть подчинены

²³ Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 44.

²⁴ Предприниматель «... невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входит в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным способом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремился бы делать это». (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1972. — С. 332).

ны требованиям рынка, посредством чего и обеспечивается совместимость общественных и своекорыстных интересов агентов рынка. Никакой головоломки в этом нет.

Проблема конкуренции и монополии в марксистской теории конкуренции

Обычно при обсуждении проблемы конкуренции авторы крайне редко обращаются к наследию марксистской теории. Выявление причин этого — предмет для отдельного разговора. Поэтому сам факт вовлечения в дискуссию марксистского наследия заслуживает одобрения. Ведь теория не выиграет от замалчивания каких-то взглядов на проблему. Однако мы не можем согласиться с тем, как взгляды К. Маркса и марксистов на конкуренцию были представлены Ю. Б. Рубиным.

Во-первых, К. Маркс объявляется сторонником дихотомии «конкуренция-монополия», возникновение которой Ю. Б. Рубин связывает с самыми истоками экономической теории²⁵. Между тем хорошо известно, что эта проблема имеет четкую привязку и имеет отношение не к экономической теории вообще, а только к неоклассическому ее направлению. Ни в классическом, ни в австрийском, ни в эволюционном подходах такого противопоставления нет. И причина возникновения этой проблемы тоже хорошо известна и состоит в смешении рынка и конкуренции. Это смешение породило путаницу между экономической эффективностью, отражающей результат работы рынка, и конкуренцией, отражающей деловое поведение, что нашло свое проявление в противопоставлении конкуренции и монополии²⁶. Если кто-то и ссылается в этом во-

просе на А. Смита, то делает это по ошибке, не понимая сути рассматриваемой им проблемы. Сама логика рассуждений А. Смита о содержательной стороне конкуренции указывает на то, что завоевание монопольного положения на рынке в виде обретенного конкурентного преимущества является естественным результатом конкурентного процесса. Следовательно, включать его в число приверженцев противопоставления конкуренции и монополии в той форме, которая стала традиционной для неоклассического подхода, оснований нет. В «Богатстве народов» А. Смит однозначно неодобрительно высказывается по поводу монополий, называя их «страшным врагом эффективного управления», что может послужить основанием для утверждения о принципиальном совпадении оценок этого явления у него и у неоклассиков. Тем более что формально в смитианской свободной конкуренции не должно быть места монополии. Решение проблемы, как нам представляется, состоит в том, что А. Смит вкладывает в понятие «монополия» совершенно особый смысл — обладание статусными или законодательно закрепленными правами. Другими словами, у него речь идет об институциональной монополии, которая существовала в виде охраняемых законом привилегий и была для того времени нередким явлением, но единственной формой бытия монополии.

И уж никак эта проблема не могла стать достоянием марксистской теории, что противоречило бы не то что ее духу, но и методологии. Тем более она не могла быть доминирующей в марксизме, как полагает Ю. Б. Рубин²⁷. «В центре теоретических новелл (марксизма — Ю. Т.), — пишет Ю. Б. Рубин, — оказалась, что *было естественно* (выделено нами — Ю. Т.), дихотомия «конкуренция-монополия», в строгих рамках определения которой феномен конкуренции был интерпретирован как существенная предпо-

²⁵ Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 39.

²⁶ McNulty P. J. Economic Theory and the Meaning of Competition. // The Quarterly Journal of Economics. 1968. Vol. 82, No. 4 (Nov.). — P. 639–641.

²⁷ Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 47.

сылка предполагаемой гибели капитализма и замены его социализмом»²⁸. По сути это является повторением положений, изложенных автором в его более ранней работе²⁹, где дается представление о марксистской теории конкуренции, которое мы находим настолько неточным, что оно заслуживает детального разбора.

Прежде всего, трактовка Ю. Б. Рубиным взглядов К. Маркса на проблему конкуренции представляется нам противоречивой. Ю. Б. Рубин считает, что противопоставление конкуренции и монополии было естественным для марксизма. Однако буквально через абзац в своей статье он приводит цитату из К. Маркса о синтезе монополии и конкуренции³⁰, которая, по нашему мнению, полностью дезавуирует указанное утверждение. А рассуждения автора по поводу молодого К. Маркса однозначно могут свидетельствовать о том, что если бы дихотомия в марксистской теории и возникла, то это было бы не естественным, а, напротив, противоестественным фактом.

Теперь по существу. Исходный посыл критики марксовской теории — противопоставление «раннего» К. Маркса «позднему». Однако автор критики не приводит (и никто еще не привел) ни одного свидетельства тому, что какое-либо из положений относительно конкуренции, представленное в поздних работах Маркса, противоречит или отрицает что-либо из того, что имеет отношение к характеристике конкуренции в его ранних работах. Второй посыл критики — идеологическая направленность марксистской концепции конкуренции. Возьмем

²⁸ Рубин Ю. Б. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 45.

²⁹ Рубин Ю. Б. Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. М.: Маркет ДС, 2006.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. — С. 166. (Можно привести много других выдержек из наследия Маркса, которые однозначно свидетельствуют о принципиальной невозможности самой постановки проблемы «конкуренция-монополия» в виде дихотомии).

на себя труд напомнить, что идеология — это система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности. Из этого вытекает, что любая теория, а особенно социально-экономическая, всегда несет на себе печать идеологии. Разве гелиоцентрическая система Коперника или теория Дарвина лишены идеологии? Провозглашение рынка и конкуренции как наиболее эффективных способов координации хозяйственной деятельности определяется сегодня большинством экономистов не в качестве позитивной теории, а в качестве нормативного суждения, т. е. идеологии, проповедуемой неоклассической школой. Идеология отсутствует только там, где нет оценивания, т. е. вне рамок человеческого общества. Поэтому лишенная идеологии социально-экономическая теория — это нонсенс. Теории тем и отличаются, что несут в себе разные идеологии. Отличительная особенность идеологии марксизма относительно конкуренции состоит не в негативном отношении к ней, как считает Ю. Б. Рубин, а в том, что конкуренция рассматривалась К. Марксом и Ф. Энгельсом в качестве фактора, вызывающего рыночную стихию и экономические кризисы, а потому не может считаться оптимальным способом координации хозяйственной деятельности. Справедливости ради заметим, что К. Маркс — первый, кто четко и однозначно определил конкуренцию в качестве стимула к инновациям и двигателя прогресса. Поэтому нам кажутся несправедливыми утверждения об ангажированности представлений К. Маркса и приписки ему некоего негативного отношения к конкуренции.

Ю. Б. Рубин считает взгляды К. Маркса на конкуренцию односторонними и непоследовательными. Такая позиция нуждается в рассмотрении. К. Маркса, хотя он и не создал целостной концепции конкуренции, трудно упрекнуть в односторонности подхода. Й. Шумпетер, Р. Нельсон и Дж. Ходжсон выделяют системность в качестве отличительного признака осуществленного К. Марксом

анализа. Односторонность марксистского подхода Ю. Б. Рубин связывает с дихотомией «конкуренция-монополия», предположительно, лежащей в основе марксистского учения о конкуренции и ставшей причиной возврата к «черно-белой» интерпретации конкуренции³¹. Доказательств этому тезису автор критики не приводит, ограничиваясь рассуждениями об отсутствии плюрализма мнений в советской экономической науке. Считаем, что дело не в плюрализме, а в том, что выдвинутое утверждение в принципе неверно, так как противоречит духу исследовательского метода, которым пользовался К. Маркс — диалектическому методу анализа. Можно оспаривать сам метод и обоснованность или правомерность (безупречность) его применения. Но уже само применение этого метода исключает приверженность тем взглядам, которые Ю. Б. Рубин приписывает К. Марксу, т.е. обособление и противопоставление. Упомянутая выше дихотомия как раз и есть типичный образец исследования, игнорирующего диалектический метод анализа, так как она предполагает применение принципа «или то, или другое».

Что касается непоследовательности, то Ю. Б. Рубин видит ее в генезисе марксизма: от представлений о синтезе монополии и конкуренции до концепции перерастания конкуренции в монополию. Правда, нам не совсем ясно, что понимается под указанным перерастанием. Если речь идет о формах проявления конкуренции, то, как показывают приводимые самим Ю. Б. Рубиным цитаты из наследия классиков марксизма, включая В. Ленина, подобное перерастание ими в принципе не допускалось, так как это означало бы прекращение жизнедеятельности капиталистического общества. Ленинская теория монополистического капитала также не исключает конкуренции. Причем, мы,

³¹ Рубин Ю. Б. Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. М.: Маркет ДС, 2006. — С. 19.

в отличие от Ю. Б. Рубина, не находим никаких допущенных В. Лениным противоречий в этом отношении. Если же речь идет о переходе от общества, опирающегося на конкуренцию, к обществу, которое будет опираться на государственную монополию на средства производства, то это совершенно другая проблема, связанная с отношениями собственности, т.е. институциональными изменениями, и если и имеющая, то самое отдаленное отношение к проблеме конкуренции.

Ю. Б. Рубин полагает, что «отрицание классиками марксизма каких-либо долгосрочных перспектив развития рыночной экономики было обусловлено отождествлением ими конкуренции как таковой и свободной конкуренции»³². Полагаем, что здесь имеет место, с одной стороны, приписка К. Марксу не свойственного ему понимания категории «свободная конкуренция», а с другой, необоснованное соотнесение понятий «свободная» и «совершенная конкуренция». Ю. Б. Рубин понимает свободную конкуренцию как отсутствие «значимых институциональных регуляторов конкурентных действий»³³. К. Маркс, наоборот, всегда рассматривал конкуренцию как соперничество, ведущееся при определенных институциональных ограничениях. Во времена К. Маркса уже существовала развитая система регулирования коммерческой деятельности, и он в принципе не мог себе позволить то понимание свободы конкуренции, которое приписывает ему Ю. Б. Рубин. Для К. Маркса свободная конкуренция — это не свобода действий, а то, что Ф. фон Хайек определил как «конкурентный порядок», противостоящий свободе предприни-

³² Рубин Ю. Б. Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. М.: Маркет ДС, 2006. — С. 21.

³³ Рубин Ю. Б. Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. М.: Маркет ДС, 2006. — С. 20; Он же. Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. — С. 46.

мательства³⁴. В то же самое время он понимает свободную конкуренцию как возможность реализовать частный интерес, т. е. как состояние рынка, при котором ни один из участников конкуренции не может оказывать влияния на общие условия конкурентной борьбы. В этом смысле используемое К. Марксом понятие «свободная конкуренция» совпадает с той содержательной частью понятия «совершенная конкуренция», которая выражает неспособность продавцов влиять на условия формирования рыночных цен. Но, по сути, марксистское понимание свободной конкуренции не имеет ничего общего с понятием «совершенная конкуренция» в той его части, где его содержание связывается с численностью продавцов на рынке. К. Маркс никогда не увязывал конкуренцию с численностью участников, допуская конкуренцию даже там, где рынок представлен одним продавцом. Поэтому считаем неверным отождествление марксовой свободной конкуренции со структурой рынка, характеризующейся полиполией, т. е. совершенной конкуренцией, как это постулирует Ю. Б. Рубин. Ведь К. Маркс объясняет закат эпохи свободной конкуренции не сокращением численности капиталистов, а концентрацией капиталов, в результате которой создаются условия, нарушающие главный принцип свободной конкуренции — неспособность кого-либо влиять на условия заключения рыночных сделок. Соответственно и судьбу свободной конкуренции он связывает не с судьбой капитализма, а с переходом последнего к новой стадии, где возможности реализации интересов одних участников конкуренции могут ущемляться другими ее участниками. В. Ленин показал, в каких формах это может реализоваться.

Историческую ограниченность свободной конкуренции и К. Маркс, и марксисты связывают не со своеволием в применении

методов конкурентной борьбы, а с подготовкой в процессе ее действия экономических условий, которые потребуют ее устранения. В этой связи утверждение Ю. Б. Рубина о том, что марксизм оказался неспособным увидеть историческую перспективу синтеза конкуренции и монополии³⁵, представляется малоубедительным. Такая перспектива четко прописана у К. Маркса и нашла свое развитие у В. Ленина. Суть ее состоит в том, что конкурентный процесс, реализуясь как противоречивое единство конкуренции и монополии, способствует росту концентрации капитала, подготавливая тем самым условия для самоотрицания рынка, как способа связи производителей, и конкуренции, как механизма этой связи. Нам сложно согласиться с позицией Ю. Б. Рубина и в отношении А. Смита, который так же, как и К. Маркс, не связывал свободу конкуренции с устройством рынка (полиполией), а понимал ее иначе, как отсутствие торговых привилегий, что в его времена имело первостепенное значение для развития предпринимательства, отчего он и ратовал за свободу конкуренции.

Суть идеи Ю. Б. Рубина такова — изъяны капиталистического производства могут быть элиминированы за счет улучшения конкуренции путем перехода к упорядоченной ее форме. Предположительно, К. Маркс этого не понимал, а потому и «напророчил» капитализму гибель. Дело, однако, в том, что К. Маркс связывал закат капитализма не с недостатками конкуренции. Причину он видел в обобществлении производства. Конкуренция рассматривалась лишь как фактор, который способствует (ускоряет) этот процесс. Рассматривая проблему сквозь призму марксистской методологии, несложно предположить, что К. Маркс допускал (не мог не допускать) и даже предполагал усиление институционализации конкурентного процесса, тем более, что не мог

³⁴ Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Издательство «Эксмо», 2000. — С. 118.

³⁵ Рубин Ю. Б. Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. — С. 21.

он не наблюдать тех изменений в законодательстве европейских стран, которые касались регулирования коммерческой деятельности. Однако он не касался этой проблемы по той простой причине, что никакие «улучшения» конкуренции не могут изменить ее экономической природы, в соответствии с которой конкуренция — механизм реализации частного интереса и причина рыночной стихии и кризисов. Никакая упорядоченность конкуренции этих родовых черт капитализма не устранил.

В. Ленин понимает свободную конкуренцию точно так же, как и К. Маркс. Когда он говорит о свободной конкуренции как причине возникновения монополий, то подразумевает под этим простой, подтвержденный конкурентной практикой, факт: поглощение одних соперников другими. «...Свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии»³⁶ — говорит В. Ленин. Следовательно, для него монополия — это не особый тип организации отраслевого рынка, а совершенно новый, ранее не существовавший, экономический институт, который изменяет характер и механизм функционирования всей хозяйственной системы. Поэтому он и не применял и не мог применять понятие «чистая монополия», использовавшееся представителями неоклассической школы для характеристики особого состояния отдельного продуктового рынка, и потому не отражавшее то содержание, которое вкладывал В. Ленин в понятие «монополия». Иначе говоря, речь идет о двух совершенно разных монополиях. Нам непонятно, кто и где рассматривал государственно-капиталистическую монополию в качестве аналога «чистой монополии», пусть и по умолчанию, как утверждает Ю. Б. Рубин. В. Ленин сделать этого не мог, потому что для него монополия — это вовсе не контроль над ры-

ночной ценой, а нечто более существенное: способность диктовать условия рыночной конкуренции, в том числе и неэкономического характера. Весь вопрос в том и заключается, что монополистическая конкуренция В. Ленина — это категория монополистической стадии капитализма, в то время как явление чистой монополии — явный атрибут концепций, относящихся к периоду капитализма свободной конкуренции и построенных на противопоставлении совершенной конкуренции и абсолютной монополии.

Соответственно и причину перехода от капитализма к социализму он связывает не с господством отдельных продавцов над рынками, как это полагает Ю. Б. Рубин. В данном случае монополия понимается им как концентрация в одних руках огромных материальных и финансовых ресурсов, которая создает экономическую базу для регулирования хозяйственной деятельности (планирования) в масштабе всего общества и из одного центра, т. е. как единой фабрики. Причина перехода не в конкуренции, а в глубинных изменениях материальной базы производства. Поэтому утверждение Ю. Б. Рубина о том, что выводы В. Ленина обусловлены недооценкой или не учетом им реалий конкуренции на рубеже XIX–XX вв.³⁷, можно назвать спорным. Допустить, что В. Ленин не был знаком или не учитывал новых явлений, не позволяет та скрупулезность, с которой он анализирует, например, формы монополий. И это несмотря на то, что позиционирует он свою работу, как популярный очерк. Причина, по которой эти явления не нашли отражения в его работе, совершенно иного рода: их полное соответствие процессу подрыва свободной конкуренции. Ведь меры, направленные на упорядочение конкуренции, как утверждает даже Ф. фон Хайек — один из наиболее ревностных защитников рыночной свободы, есть

³⁶ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. // Полн. собр. соч. Т. 27. — С. 315.

³⁷ Рубин Ю. Б. Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. — С. 24.

не что иное, как ограничение конкуренции³⁸. Само собой разумеется, с точки зрения В. Ленина, «упорядоченная конкуренция», за которую выступает Ю. Б. Рубин — это составной элемент подготовки условий для перехода к социализму.

Досталось В. Ленину и за критику конкуренции. Как полагает Ю. Б. Рубин, В. Ленин из-за «своей неумной жажды власти» незаслуженно порочил конкуренцию, утверждая, что при монополистической конкуренции соревнование сменяется мошенничеством и насилием³⁹, а «жизнь не подтвердила обоснованность таких определений и доказала» невозможность проведения стратегий по монополизации. Если все было так хорошо, то что же вызвало необходимость принятия актов Шермана и Клейтона в США? Полагаем, что Ю. Б. Рубин знаком с современной В. Ленину практикой насильственного отчуждения собственности, включая убийства и поджоги, применявшейся повсеместно в начале XX века и описанной во многих книгах по истории крупнейших монополий. Так в чем же необоснованность оценок, данных В. Лениным? Возможно, критик хотел сказать, что современная, «упорядоченная предпринимательская», по определению Ю. Б. Рубина, конкуренция лишена этих негативных признаков? Чтобы не пускаться в длинные рассуждения, обратимся только к некоторым фактам последних событий в странах с самым упорядоченным предпринимательством. Дело американской корпорации *Enron* показало, что одним из наиболее распространенных способов «укрепления» конкурентоспособности корпораций является фальсификация финансовой отчетности. Всплывшее в связи с финансовым кризисом 2008 года дело Б. МэдOFFа показало, что и классические формы мошенничества остаются весьма популяр-

ными среди «цивилизованных» бизнесменов. Сам финансовый кризис 2008 года является наглядным свидетельством того, что рассуждения о предпринимательской этике и социальной ответственности бизнеса пока, мягко говоря, сильно преувеличены, а степень их проявления является непосредственным следствием степени жесткости и интенсивности применения карательных мер. Обозревая в целом современную практику «упорядоченной предпринимательской конкуренции», мы без труда обнаружим, что наиболее активно и широко применяемым ее инструментом является промышленный шпионаж. Если обратить взор на российское предпринимательство, то его поведение полностью соответствует характеристике, приведенной К. Марксом в «Капитале»: если капиталу пообещать триста процентов прибыли, то нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал, даже под страхом виселицы⁴⁰.

По нашему мнению, здесь имеет место такое представление о природе конкуренции, с которым можно спорить. Ю. Б. Рубин утверждает, что конкурентное поведение вытекает из научной теории прав человека⁴¹. Получается, что борьба на уничтожение — фенотипический признак человеческого поведения. Это малоубедительно, так как исторически человечество выделилось из животного царства благодаря сотрудничеству и взаимопомощи. Конкуренция — это не спортивное состязание, а борьба, которая предполагает естественный отбор. Она — не свойство человеческой природы, а признак исторически определенной стадии развития человеческого общества, и появляется как следствие возникновения частной собственности и, соответственно, обособления частных интересов и противопоставления их друг другу, что и порождает

³⁸ Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изогграф, 2000. — С. 119.

³⁹ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч. Т. 27. — С. 195, 312, 323.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — Прим.

⁴¹ Рубин Ю. Б. Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. — С. 10.

конкурентную борьбу. Каждый из участников этой борьбы, естественно, имеет право на участие в добросовестной конкуренции. Однако будут ли сами участники следовать этому праву? Практика конкуренции свидетельствует, что в конкурентном процессе добросовестность проявляется, в лучшем случае, в той мере, в какой ее участники опасаются применения санкций. Теоретические исследования показывают, что предпринимательство по своей природе не обременено ответственностью в отношении форм, применяемых для достижения собственных целей. «...Если предпринимательство определяют как способность изобретать и находить новые пути увеличения своего благосостояния, власти и престижа, то следует ожидать, что не все предприниматели будут слишком заботиться, создает ли их деятельность дополнительный... общественный продукт или, наоборот, она является серьезной помехой производству»⁴². Поэтому ставка на некий «цивилизованный» или «профессиональный» бизнес представляется малообоснованной.

Мы согласны с Ю. Б. Рубиным в том, что советская экономическая мысль действительно не уделяла внимания исследованию проблем конкуренции, ограничиваясь цитированием классиков.

Системный подход к конкуренции

Методологическая база

Однако вернемся к предмету данной статьи — проблеме создания общей теории конкуренции. Несмотря на наличие многих и глубоких различий между концепциями конкуренции, все они обладают одним общим недостатком — отсутствием системного взгляда на данное явление. Каждая концеп-

ция акцентирует внимание на какой-то одной стороне конкуренции. В действительности конкуренция — системное явление, т. е. явление, которое несет в себе множество подсистем. Об этом свидетельствует многоплановость самого явления, которая одновременно является и причиной существования множества подходов к анализу конкуренции. Это означает, что, во-первых, среди задач исследовательской программы конкуренции центральное место по-прежнему отводится вопросу методологии, и во-вторых, решение этой задачи связано с применением системного подхода к анализу конкуренции.

В рамках системного подхода исследование социально-экономических явлений включает в себя их анализ по нескольким аспектам. *Системно-исторический аспект* изучения предполагает анализ явления как живой, саморазвивающейся системы, что ставит задачу выявления условий его возникновения и этапов развития, т. е. процесса изменения собственных характеристик на основе самоорганизации. *Системно-структурный аспект* анализа заключается в выяснении элементной базы данной системы, а также внутренних связей и зависимостей между ними, что позволяет получить представление о внутренней организации (строении) исследуемого явления. *Системно-функциональный аспект* анализа направлен на выявление функций, которые выполняются исследуемыми объектами. *Системно-интеграционный аспект* анализа состоит в определении совокупности качественных свойств системы, которые обеспечивают не только ее особенность, но и целостность, т. е. обеспечивают внутреннее единство ее элементов и воссоздают основные условия функционирования системы. Наконец, *системно-коммуникационный аспект* анализа ориентирован на выявление связей исследуемого объекта с окружающей средой, т. е. его внешних связей с другими объектами.

Специфика системного подхода заключается в том, что он ориентирован на рас-

⁴² Baumol W. J. Entrepreneurship: productive, unproductive and destructive. // Journal of political economy, 1990. Vol. 98. №5. Pt. 1. — P. 897–898.

крытие целостности явления и обеспечивающих ее механизмов. В этом заключается его главное достоинство, которое оборачивается рядом преимуществ, проявляющихся в процессе исследования явлений. Одно из таких преимуществ — многоаспектность (системность) подхода, которая позволяет выявлять то общее, что присуще разным объектам и процессам, которое утрачивается при моноаспектном подходе. Уводя исследователя от детерминированных моделей, системный подход способствует более адекватному теоретическому описанию явлений как динамических объектов. Только системный подход позволяет выявить эффект обратной связи и учесть действие интегрального эффекта как основного свойства любой системы. Но главное превосходство системного подхода заключается в его методологии, которая обеспечивает соединение основных методов анализа: единство анализа и синтеза, логического и исторического, индукции и дедукции, не допуская при этом переоценки одних методов в ущерб другим. Поскольку, как совершенно справедливо заметил Дж. Ходжсон: «Хотя экономические труды К. Маркса были написаны задолго до возникновения современного системного подхода, в них идеология этого подхода нашла такое отражение, какого редко удавалось достичь другим экономистам»⁴³, полагаем, что именно марксистская методология может стать базой для разработки общей теории конкуренции.

Дело, конечно, не в К. Марксе, а в тех преимуществах, которыми обладает его метод анализа. Во-первых, он предполагает исследование явлений не изолировано и не в покое, а во всеобщей их связи и в движении, т. е. в развитии, что полностью отвечает динамической природе конкуренции. Во-вторых, он опирается на понимание развития как процесса разрешения противоречий, возникающих в самом явлении и со-

ставляющих суть его бытия, что позволяет раскрыть механизм эндогенного изменения конкуренции. В-третьих, любое явление существует как исторически обусловленная данность, определяемая теми конкретными условиями, в которых оно существует, что позволяет понять причины, вызывающие трансформацию конкурентных отношений, и специфику форм, которые эти изменения принимают. В-четвертых, он предполагает исследование явлений на основе их воспроизводства, где исходные условия определяют результат, который в свою очередь становится условием для следующего цикла движения, что позволит нам понять действие механизма конкуренции.

Проблематика, связанная со сферой действия конкуренции и определением ее агентов, прямо указывает на системность заключенных в ней отношений. Хотя и помимо этого многообразие форм проявления конкуренции и выполняемых ею функций свидетельствует о том, что она представляет собой сложную систему. Поэтому, говоря об экономической конкуренции, чрезвычайно важно воспринимать ее именно в таком качестве. Конкуренция — не просто сложное, многомерное явление. Конкуренция — это система. Поэтому она представляет собой именно тот случай, где системный подход имеет особое значение. Соответственно, если подходить к ней как к процессу, следует понимать, что речь идет о движении системы со всеми вытекающими из этого закономерностями и последствиями. В то же время, прослеживая процесс эволюции конкуренции, нельзя забывать, что она является составной частью системы более высокого порядка — рыночного хозяйства, и реализует себя в качестве одной из его подсистем.

Определяющая характеристика любой системы — ее целостность. В этой связи в числе первоочередных задач становится определение сущности, содержания и формы существования исследуемого явления. Онтологически понятия сущности и явления

⁴³ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003. — С. 50.

отображают соотношения общего и отдельного. Чтобы понять взаимосвязь этих категорий, необходимо связать их с категориями общего, особенного и единичного. Сущностью выступает вся совокупность более общего, а явлением — совокупность менее общего, вплоть до единичного. Поэтому определение сущности конкуренции — выделение того общего, что присуще всем уровням и формам проявления конкуренции. Другими словами, речь идет о выделении той элементарной клеточки конкуренции, на которую опирается все «здание» конкуренции и которая может послужить операционной единицей для ее членения. Для экономической конкуренции такой элементарной клеточкой является частный интерес товаропроизводителей, реализуемый посредством товарного обмена. Это и есть то общее, что проявляется во всех формах существования конкуренции, и в то же время является ее особым признаком. Ведь именно вследствие частного характера интересов соперничество превращается в состязание с селективной направленностью. Какую бы форму конкуренции мы не взяли, она проявляется как противостояние частных интересов. На основании этого можно утверждать, что по своей сущности экономическая конкуренция — это соперничество частных интересов, посредством которого определяются витальные возможности их носителей.

Содержание не сводится к сущности, так как содержит не только общее, но и частное, не только главные, но и второстепенные моменты (признаки). Содержание отражает специфику среды, в которой оперирует данная сущность, а также те особые способы, посредством которых она себя реализует. Борьба частных интересов — это такое состязание, в котором достижение интересов одного выступает следствием ущемления интересов других. Поэтому, в какой бы форме и какими бы методами оно не велось, все они так или иначе будут применяться с целью подрыва витальных способностей соперников. Вместе с тем, при

всем многообразии проявлений, этот же признак отражает и сущностную сторону конкурентного соперничества — неизбежность селекции (отбора) среди конкурентов. Вот почему содержание экономической конкуренции может быть определено как рыночное состязание между продавцами, которое ведется ими за свои частные интересы посредством методов, направленных на ограничение возможностей соперников, и в процессе которого выявляются их способности к выживанию и развитию.

Каждое явление имеет свою форму или формы выражения. Форма не совпадает с явлением, так как форма не сводится к внешнему, а несет в себе и существенные моменты. Форма вторична по отношению к содержанию. То, что выступает как форма данного процесса развития, обладая относительной самостоятельностью, может рассматриваться как процесс, который, в свою очередь, «раздваивается» на содержание и форму. Экономическая конкуренция — форма движения (развития) рыночных отношений, которая имеет свое особое содержание. Содержание самой конкуренции также может проявляться в разных формах. В этом случае каждая такая форма есть не что иное, как способ существования одной из сторон содержания конкуренции, и служит внешним выражением того особого функционального предназначения, которое несет в себе отдельный компонент системы, т. е. одна из подсистем конкуренции. В этом смысле формы проявления содержания конкуренции суть способы выражения разных уровней конкуренции и соответствующих им ее подсистем, а потому могут рассматриваться как формы выражения общего, особенного и единичного. Именно при таком подходе удается обеспечить тот важный для исследования социально-экономических явлений принцип, согласно которому теории должны быть достаточно общими, чтобы объяснять разнообразные формы явлений, но эти же «теории должны быть микроуровневыми в том смысле, что они долж-

ны базироваться явным образом (пусть косвенно) на отчете о том, что делают типичные субъекты и почему они это делают»⁴⁴.

Формально многоуровневость экономической конкуренции обусловлена многоуровневым устройством той среды, в которой она действует, т. е. экономики. При этом, хотя действие конкуренции распространяется на все уровни экономики, проявляясь в виде единой закономерности, на каждом уровне оно проявляется по-разному, в виде модификации своего содержания, формы существования и выполняемых функций. Поэтому выделение в конкуренции разных уровней — это не механическое членение ее на части, привязанные к уровням экономической системы. В действительности за этим членением скрываются разные формы выражения общего для них сущностного свойства конкуренции, но по-разному проявляющегося на каждом отдельном уровне экономики. Иначе говоря, на каждом уровне экономической системы содержательная сторона конкуренции проявляется в качестве особого доминантного признака, который отражает специфику ее действия в рамках отдельно взятого уровня экономики. Только взятые в совокупности, эти признаки дадут полное представление о природе конкуренции. Взятый обособленно, в отрыве от других, любой такой признак дает не только одностороннее представление о конкуренции, но и искажает ее суть. Причем, чем ниже уровень анализа конкуренции, тем очевиднее проявляется ее действие и тем в более искаженном виде выглядит ее сущностная природа. Вместе с тем, применение метода декомпозиции позволяет облегчить исследование сложного явления посредством анализа более простых его частей.

В экономике, как известно, выделяют три уровня: макроуровень, отражающий процес-

сы функционирования экономической системы как целого; мезоуровень, отражающий процессы отраслевого и межотраслевого взаимодействия; и микроуровень, отражающий поведение агентов на продуктовых и ресурсных рынках. Каждому из этих уровней будет соответствовать своя, особая форма проявления конкуренции. На макроуровне экономики конкуренция проявит себя как *принцип организации и функционирования рыночного хозяйства*. На мезоуровне — как *механизм взаимодействия агентов* рыночной экономики. На микроуровне — как *способ достижения экономических целей*. Еще раз подчеркнем, что основанием для такой привязки выступает специфичность проявления содержания конкуренции на каждом конкретном уровне экономики в виде общего, особенного и единичного.

Каждая форма проявления конкуренции воплотит себя в особой подсистеме с присущими ей особенностями устройства. Конкуренция, таким образом, предстает перед нами в виде совокупности подсистем, выступающих компонентами единой системы. Сложность состоит в том, что эти компоненты сами представляют собой системы более низкого ранга, обладающие своей структурой и системой взаимосвязей между элементами этой структуры. В то же время нельзя забывать, что конкуренция, выступая в качестве целостной, относительно устойчивой во времени и пространстве системы, сама является частью окружающей хозяйственной среды. Поэтому, анализируя конкуренцию как систему, следует помнить, что сама она является составной частью (подсистемой) системы более высокого ранга — рыночного хозяйства.

Конкуренция как принцип организации и функционирования рыночного хозяйства

Макроподсистема конкуренции — это подсистема, где конкуренция выступает в качестве принципа организации и функ-

⁴⁴ Дози Дж., Уинтер С. Интерпретация экономических изменений: эволюция, структуры и игры. // Экономическая трансформация и эволюционная теория Й. Шумпетера. М.: 2004. — С. 44–45.

ционирования рыночного хозяйства. Здесь конкуренция в наименьшей степени проявляется внешне. Но именно в этом случае она наиболее точно выражает свою подлинную сущность. На поверхности конкуренция проявляется в вещной форме, как конкуренция товаров, брендов и торговых марок. В действительности за этим скрываются отношения между людьми, преследующими эгоистические цели. Поэтому конкуренция является не просто принципом организации взаимодействий между агентами рынка, а принципом, который имеет принудительный характер. Никто не может достичь своих целей иначе, как только посредством вступления в соперничество с другими агентами рынка. Следовательно, в данной подсистеме содержательная сторона конкуренции проявляется в том, что она уравнивает эгоистические устремления агентов рыночного хозяйства. В макроподсистеме этот содержательный признак конкуренции проявляется как принцип ее устройства, так сказать, становой хребет всей системной конструкции конкуренции. Задача макроподсистемы — обеспечить реализацию этого принципа. При этом ее особенность состоит в том, что в ней борьба интересов проявляется не как противоборство между конкретными соперниками, а как норма, определяющая общие принципы этой борьбы. Это конкуренция без конкурентов. В макроподсистеме она представляется в виде стихийной силы, посредством которой обеспечивается воспроизводство конкурентного принципа отношений хозяйствующих субъектов. Именно поэтому конкуренция выступает в роли закона рыночной экономики.

Если функциональное предназначение макроподсистемы конкуренции состоит в том, чтобы уравнивать эгоистические притязания участников рынка, то в чем же конкретно выразится действие заложенного в ней принципа? Наиболее отчетливой и наглядной формой выражения его действия являются рыночные цены, которые есть результат действия конкуренции

и ограничитель эгоистических притязаний соперников одновременно. Однако подлинное предназначение этого принципа глубже — оно состоит в определении типа предпринимательского поведения. Данный принцип — один из тех институциональных факторов, посредством которых устанавливаются «правила игры», а через них и структура вознаграждения конкурентов, которая, принимая форму стимулов, определяет направленность их деятельности. Эта деятельность может быть производительной, выражаясь в создании дополнительной ценности (*rent-creating*), а может быть непроизводительной, сводясь к перераспределению существующего богатства (*rent-seeking*). Она может быть и деструктивной (*rent-destroying*), приводя к сокращению общественного благосостояния⁴⁵. Направленность действий предпринимателей будет определяться тем, насколько симметричным будет действие уравнивающего принципа конкуренции по отношению ко всем соперникам.

Конкурентное отношение, выраженное в нашем случае в виде конкурентного принципа, всегда существует в определенной форме. Форма конкуренции — это модель, в которой реализует себя конкурентное отношение. В зависимости от трансформаций, которым подвергается данное отношение, оно может принимать разные формы. В этом смысле макроконкуренция, не изменяя своей сути, также может принимать разные формы, каждая из которых будет отражать качественные изменения, происходящие в самой конкуренции и в окружающей ее среде. Что касается макроподсистемы конкуренции, сегодня можно выделить две формы ее существования: свободная конкуренция и регулируемая конкуренция.

⁴⁵ Baumol W. J. Entrepreneurship: productive, unproductive and destructive. // Journal of political economy, 1990. Vol. 98. №5. Pt. 1. — P. 894, 909, 916; Desai S., Acs Z. J. A theory of destructive entrepreneurship. // Jena economic research paper, 2007–085. <http://www.jenecon.de>. — P. 14–15.

Конкуренция как механизм связи между агентами рынка

Мезоподсистема конкуренции — это подсистема, посредством которой обеспечивается механизм связи между конкурентами. Но не в смысле взаимодействий, которые возникают вследствие общественного разделения труда и проявляются в виде рыночных сделок (купли-продажи). В данном случае речь идет о связи, которая возникает вследствие противостояния частных интересов соперников. Изолированные друг от друга в производстве, на рынке эти интересы оказываются вовлеченными в единую систему, в которой все они взаимодействуют как претенденты на получение одного и того же приза — вознаграждения, которое определяет их шансы на выживание и развитие. Именно такого рода связь обеспечивается посредством мезоподсистемы конкуренции. Содержание этой связи заключается в уравнивании эгоистических притязаний соперников посредством противопоставления их частных интересов. В этом смысле мезоподсистема конкуренции отражает специфику механизма реализации конкурентного принципа: уравнивание эгоистических притязаний обеспечивается не при помощи принуждения соперников к выполнению кем-то установленных требований, а путем противоборства частных интересов. В отличие от макроподсистемы, в мезоподсистеме конкурентный принцип превращается в действие. На макроуровне конкуренция полностью анонимна. Ее воздействие не проявляется в отношении отдельного соперника, а каждый из них не может идентифицировать ее источник. На мезоуровне соперники также не могут определить ее источник, но каждый из них уже ощущает ее присутствие, хотя пока и в виде анонимной силы, противодействующей его частным интересам. Здесь конкуренция выполняет объединительную функцию не только в плане подчинения поведения соперников единому кон-

курентному принципу, но и увязки их действий в единую паутину, в том смысле, что колебания в любом из ее сегментов воздействуют на всю сеть. Действуя в качестве механизма связи, конкуренция наглядно демонстрирует диалектику своей природы. На поверхности она проявляется только как форма соперничества и противоборства и, тем самым, как способ изоляции соперников друг от друга посредством противопоставления их интересов. Но в то же время она является и способом их связи. Способом, который объединяет соперников не только причастностью к одной системе, но и общей направленностью их устремлений. Причем суть конкурентного единства состоит не в том, что каждый из соперников стремится к реализации своих частных интересов, а в единстве типа их поведения. Сталкиваясь с конкурентным противодействием, каждый из них в отдельности и все они вместе действуют в направлении поиска новых возможностей и областей для реализации частных интересов. Поэтому только через действие мезоподсистемы конкуренции могут быть поняты причины и закономерности расширения масштабов рыночного хозяйства и, соответственно, сферы действия конкуренции, т. е. их склонность к экспансии.

Другая важная функция мезоподсистемы конкуренции — *выравнивание конкурентных условий*. Конечно, не в смысле установления равных возможностей для реализации частных интересов соперников, а в смысле обеспечения равенства требований, предъявляемых ко всем соперникам. Механизм «выравнивания» действует на базе реализации заложенного в конкуренции ограничительного принципа: реализация частного интереса одного соперника автоматически оборачивается ущемлением интересов других. Это воздействие будет тем сильнее, чем шире палитра альтернативных предложений, с которыми сталкивается каждый конкурент, и чем больше равенство сил противоборствующих сторон. Поэтому

все согласятся с тем, что «конкуренция свирепствует прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов»⁴⁶. Соответственно и эффективность действия мезоподсистемы, выражаясь в степени ограничения эгоистических притязаний, будет находиться в прямой зависимости от численности соперников и в обратной — от соотношения их сил. Отраслевые рынки характеризуются неоднотипностью условий, а соперники — неодинаковостью состязательных потенциалов. Поэтому практическая задача мезоподсистемы заключается в том, чтобы обеспечивать перераспределение силы уравновешивающего воздействия конкуренции для установления равнонапряженных требований для всех соперников. Действие этого механизма выразится в мотивации соперников к переходу в сферы и рынки с более благоприятными условиями для реализации частного интереса, т. е. туда, где напряженность конкурентной борьбы ниже, что будет способствовать выравниванию условий ведения конкурентной борьбы. Регулируя переток соперников, конкурентный механизм будет уравновешивать напряженность соперничества на разных рынках. И поэтому (одновременно с этим) мезоподсистема конкуренции становится *механизмом регулирования пропорций* общественного производства. Его действие обеспечивается посредством тех пружин, которые несет в себе конкурентная система: направляет конкурентов в те отрасли, где они могут рассчитывать на наиболее полное удовлетворение своих эгоистических притязаний — на получение большего вознаграждения. Что касается форм, которые принимает конкуренция в качестве механизма взаимодействия агентов конкуренции, то таковыми являются внутриотраслевая, межотраслевая и глобальная конкуренция.

⁴⁶ Маркс К. Капитал. Т. I. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. — С. 640.

Конкуренция как способ реализации экономических целей конкурентов

Микроподсистема конкуренции, с точки зрения структурного устройства системы конкуренции, представляет подсистему, располагающуюся на самом нижнем этапе конструкции. Однако на практике именно микроподсистема выступает на первый план, претендуя на олицетворение существенных черт и закономерностей развития конкуренции. Поэтому, анализируя формы, в которых соперничество проявляется на микроуровне конкуренции, следует помнить о том, что они суть следствия скрытых от нашего взора изменений, происходящих на макро- и мезоуровне конкуренции. В чем же заключается содержание микроподсистемы конкуренции? В первую очередь, в обеспечении действия организационного принципа и механизма конкурентной системы. На макроуровне конкуренция идентифицирует себя как отношение, отражающее противоборство обезличенных частных интересов. Это еще не борьба, а лишь база для ее ведения. Борьба разворачивается на основе действий, применение которых одной из сторон оборачивается непрямым ущемлением интересов других, что автоматически вызывает стремление к противодействию этому, принуждая вступать в конкурентную борьбу, которая становится определяющим принципом поведения соперников. Поэтому на микроуровне конкуренция проявляется как модель поведения, предписывающая соперникам строго определенный тип действий: стремление к установлению ограничений над возможностями соперников в достижении одних и тех же целей. Другими словами, в данной подсистеме конкуренция реализует себя как способ, посредством которого соперники достигают свои экономические цели. Именно по этой причине К. Маркс рассматривал конкуренцию в качестве непрямого условия существования частных производителей.

лей вообще⁴⁷, а действующих в форме капитала — в особенности⁴⁸. Микроконкуренция — это уже не соперничество анонимных сил, а борьба между конкретными субъектами, которая ведется за осязаемые каждым участником цели и физически ощущаемая ими. Здесь ее участники ощущают себя как конкуренты, так как успех любого из них подрывает жизнеспособность кого-то другого. На мезоуровне конкуренция предстает перед нами в виде механизма взаимодействия капиталов. Однако, как показал К. Маркс, их взаимодействие не может быть реализовано иначе, как только посредством продуктов, производимых капиталами. Поэтому на микроуровне конкуренция капиталов превращается в конкуренцию товаров и услуг. Причем именно посредством этого превращения и реализуется экономический смысл их взаимодействия — извлечение прибыли как воплощение частного интереса капитала. Конкуренция из абстрактного соперничества интересов превращается в реальную борьбу конкретных предпринимателей за отчуждение прибыли друг у друга, исход которой определяет выживание и развитие капиталов. Однако здесь задача решается уже не просто за счет завоевания конкурентных преимуществ, а посредством поиска более прибыльных сфер приложения капитала.

Таким образом, если для экономической системы конкуренция является принципом организации и механизмом ее функционирования, то для конкурентов она — способ достижения экономических целей. Соответственно, предназначение микроподсистемы конкуренции состоит в том, чтобы воплотить кон-

курентный принцип и механизм в реальные формы борьбы между соперниками. Иначе говоря, перевести их в плоскость конкретных действий, применяемых соперниками в процессе борьбы за достижение своих целей. В этом качестве конкуренция предстает перед нами в виде подсистемы, отражающей образ действий и совокупность приемов, посредством которых участники конкурентного соперничества отстаивают свои интересы. Можно утверждать, что микроуровень конкуренции — это та ее подсистема, где принцип конкурентного соперничества принимает реальные формы борьбы, а механизм соперничества реализует себя в виде конкретных поведенческих стратегий. В этом, собственно, и состоит содержательная сторона микроподсистемы конкуренции. Что касается ее роли, то она заключается в трансформации присущих конкуренции внутренних отношений и связей в конкретные формы, в которых они реализуются на поверхности, т. е. в практике конкурентной борьбы.

Отличительная особенность микроконкуренции — ее явственность. Здесь конкуренция принимает отчетливые формы борьбы, которая ведется за нечто конкретное и против осязаемых соперников. Возможно, поэтому микроконкуренция замкнула на себя все внимание исследователей, ограничившихся анализом только видимой части всей конструкции конкуренции. Выразительность, присущая микроконкуренции, в какой-то степени действительно помогает понять ход и смысл конкурентной борьбы и проследить явное выражение ряда сущностных черт, которые в других подсистемах принимают скрытую форму. Иначе говоря, микроуровень конкуренции позволяет наиболее отчетливо проследить, «что делают типичные субъекты и почему они это делают»⁴⁹. Вместе с тем, столь от-

⁴⁷ «Общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых производителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции. Кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов, — подобно тому, как в мире животных война всех против всех является условием существования всех видов». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. — С. 369).

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. — С. 391.

⁴⁹ Дози Дж., Уинтер С. Интерпретация экономических изменений: эволюция, структуры и игры. // Экономическая трансформация и эволюционная теория Й. Шумпетера. М.: 2004. — С. 44–45.

четливо проявляющиеся на микроуровне характеристики конкуренции часто становятся причиной искаженных представлений о ней. Более того, именно в этой подсистеме наиболее полно проявляется способность конкуренции все исказить, и прежде всего, собственную природу и содержание.

И все же главная особенность микроподсистемы конкуренции заключается в субъективизации конкурентных отношений. Она идет по нескольким направлениям. Во-первых, это обусловлено тем, что на микроуровне конкуренция проявляется в форме действия. Во-вторых, субъективизация конкурентных отношений является неизбежным следствием расщепления собственности и управления. В-третьих, и это главное, субъективизация микроконкуренции обусловлена особенностью восприятия конкуренции ее участниками. Микроуровень конкуренции — это та область рыночного соперничества, где оно проявляется как борьба среди продавцов взаимозаменяемых продуктов, ведущаяся против конкретных соперников и с четко обозначенными целями. И чем бы ни являлась конкуренция в действительности, для самих конкурентов она всегда представляется в виде совокупности условий, препятствующих достижению преследуемых целей. Поэтому безо всякой натяжки можно утверждать, что для них конкуренция — это ситуация времени и места, т. е. фрагмент действительности, побуждающей к осуществлению определенных действий. Иначе говоря, микроуровень конкуренции — это конкуренция, воспринимаемая глазами ее участников. Именно это субъективное видение конкуренции стало объектом исследования неоклассической школы, которая доступный соперникам метод анализа конкурентных ситуаций превратила в теорию конкуренции.

«Субъективизация» соперничества на микроуровне конкуренции — неформальный признак микроподсистемы. В микро-

подсистеме конкуренции субъективный фактор действительно играет особо значимую роль. Во-первых, благодаря этому признаку конкуренция из абстрактного соперничества превращается в борьбу между реальными конкурентами. Во-вторых, помимо вещного она приобретает еще и личностный характер⁵⁰. На микроуровне она проявляется как борьба стратегий, выбор и результат применения которых зависит не только от размеров соперничающих капиталов, но и от предпринимательских способностей лиц, управляющих этими капиталами. Таким образом, микроконкуренция — это не только борьба цен и качественных параметров продуктов, но и борьба личностей-предпринимателей, которые своими действиями изменяют условия этой борьбы. Поэтому в микроподсистеме, где конкуренция идентифицирует себя в качестве инструмента борьбы за преимущества, отчетливо проявляется значимость управленческого аспекта этой борьбы. Для ее участников на первый план выдвигается вопрос об инструментах конкурентной борьбы, т. е. о тех конкретных формах и методах, посредством которых они могут завоевать конкурентные преимущества и тем самым реализовать свои экономические цели. Здесь прибыль выступает не просто результатом конкурентного отчуждения, являющегося следствием действия конкурентного принципа устройства рыночной экономики, но и предпринимательских усилий. Соответственно и конкуренция воспринимается соперниками не как производственное отношение, а как борьба альтернативных конкурентных стратегий, представляющихся в виде процесса разработки и внедрения приемов завоевания конкурентных преимуществ. Становится совершенно очевидным, что «кон-

⁵⁰ Клелач А. Н. Теория капиталистической конкуренции: марксистское и буржуазное видение. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 6. Экономика. 1991. № 1. — С. 10–11.

куренция — это не просто механическая оптимизация при известных ограничениях, а непрерывный поиск и использование возможностей получения прибыли в условиях неопределенности. Распределение ресурсов происходит эффективно, если соперничающие производители (предприниматели) находятся в процессе поиска и адекватно реагируют на постоянно меняющиеся рыночные условия»⁵¹. Соответственно она принимает те явные формы, которые могут быть обобщены в виде ценовой и неценовой конкуренции.

Заключение

Представленный материал дает схематическое представление о принципе формирования и структуре общей теории конкуренции, которая может быть построена на основе системного подхода. Объем статьи не позволяет дать развернутое представление о содержательном наполнении ее элементов и возникающих между ними взаимосвязях, а также механизмах действия подсистем конкуренции и развития всей системы. Однако нельзя не подчеркнуть еще и то ее достоинство, что она позволяет логично объединить достижения всех трактовок конкуренции, не нарушая при этом собственной методологической целостности. В макроподсистеме, где конкуренция проявляется в качестве института рыночной экономики, найдут свое применение многие идеи институционального подхода. Что касается эволюционной концепции конкуренции, то заключенная в ней идея конкурентной селекции может и должна быть представлена во всех подсистемах, хотя и в разной степени. На мезо- и микро- уровнях конкуренции легко имплантируются идеи шумпетерианства и неоавстрийской школы. Даже неоклассический подход, несмотря на свойственный

ему статический подход, без труда вписывается в структуру микроподсистемы конкуренции, как особый метод анализа состояния рынка, применяемый участниками конкурентного процесса к конкретному месту и времени.

Список литературы

1. *Арментано Д. Т.* Антитраст против конкуренции. М.: Альпина Бизнес Букс. 2005.
2. *Гальперин В. М., Игнатъев С. М., Моргунов В. И.* Микроэкономика. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 2.
3. *Дози Дж., Уинтер С.* Интерпретация экономических изменений: эволюция, структуры и игры. // Экономическая трансформация и эволюционная теория Й. Шумпетера. М. 2004.
4. *Кирцнер И.* Конкуренция и предпринимательство. — М.: ЮНИТИ, 2001.
5. *Клепач А. Н.* Теория капиталистической конкуренции: марксистское и буржуазное видение. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 6. Экономика. 1991. № 1.
6. *Коган А. М.* Разграничение конкуренции и «невидимой руки» как регуляторов экономики развитых рынков. // Современная конкуренция. 2010. № 2 (20).
7. Круглый стол «Вопросы теории конкуренции». // Современная конкуренция. № 3 (21). 2010.
8. *Лакатош И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
9. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч. Т. 27.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. Т. 4.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. Т. 6.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. Т. 23.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. Т. 46. Ч. I.
14. *Рубин Ю. Б.* Дискуссионные вопросы современной теории конкуренции. // Современная конкуренция. 2010. № 3 (21).
15. *Рубин Ю. Б.* Конкуренция: упорядоченное взаимодействие в профессиональном бизнесе. М.: Маркет ДС, 2006.

⁵¹ *Арментано Д. Т.* Антитраст против конкуренции. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — С. 38.

16. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1972.
17. Стиглер Дж. Совершенная конкуренция, исторический экскурс. // Вехи экономической мысли. Т. 2. СПб, 1995.
18. Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: «Изограф», 2000.
19. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003.
20. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
21. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
22. Baumol W. J. Entrepreneurship: productive, unproductive and destructive. // Journal of political economy. 1990. Vol. 98. №5. Pt. 1.
23. Desai S., Acs Z. J. A theory of destructive entrepreneurship. // Jena economic research paper, 2007–085. <http://www.jenecon.de>.
24. Knight F. H. Immutable Law in Economics: Its Reality and Limitations. // American Economic Review, XXXVI (May 1946).
25. McNulty P. J. Economic Theory and the Meaning of Competition. // The Quarterly Journal of Economics, 1968. Vol. 82, No. 4 (Nov).

Y. Taranukha, PhD in Economics, Professor on Chair of Economic Theory in Lomonosow Moscow State University, Depute Director of Institute of Inservice Training for Lecturers in Arts and Social Sciences, Moscow, Taranukha54@mail.ru

CONCERNING THE QUESTION OF UNIVERSAL OR UNIFIED THEORY OF COMPETITION

In this paper we formulate requirements for the formation of a universal theory of competition and analyze separate assumptions by some authors in connection with the development of the general concept of competition. Article also contains the author's hypothesis about the possibility of creating a general theory of competition on the basis of a systematic approach. In this context, competition is considered by the author, not only as a process, but also as a three-level system that includes an expression of competitive relations in the principle of a market economy (macro level), the mechanism of competitors interaction (meso level) and ways to implement the economic goals of competition (micro level).

Key words: theory of competition, the competition as a contest, the «invisible hand» of the market, the Marxist theory of competition, a systematic approach, makrocompetition, mezocompetition, mikrocompetition.